

**Мемуары
непрожитой жизни**

Юлия Миланес

12+

Юлия Миланес

Мемуары непрожитой жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55340210

SelfPub; 2021

Аннотация

Героиня романа – женщина, рожденная в 1977 году от брака советской гражданки и кубинца. Брак распадается. Небольшая семья, состоящая из женщин разного возраста, проживает в ленинградской коммунальной квартире с ее особенностями быта. Описан переход от коммунистического строя к капиталистическому в микросоциуме. Герои борются за выживание после распада Советского Союза, а также за право проживать на отдельной жилплощади в период приватизации жилья. Старшие члены семьи погибают. Действие разворачивается как чередование воспоминаний и дневниковых записей текущего времени.

Содержание

1977 год	6
Браки заключаются на небесах, а расторгаются на земле	9
«Ешь, а то Боженька тебе уши отрежет»	11
Это коммунальная квартира...	13
Баба Яга	15
Мой жених Лешка Перчук	16
Сказки на ночь	18
А у нас – тихий час...	21
Шуба	23
Хорек за батареей	25
Мариуполь	28
У бабки Нины гости	30
22 августа 2010 года	32
За забором	34
Мамины духи	36
28 августа 2010 года	37
Девочка из Москвы	39
Новый виток	41
Ходить в школу – это твоя работа...	42
Марина Ивановна	44
28 августа 2010 года	47
«Мармазетки»	48

Я и спорт – вещи несовместимые	49
Первые звездочки	51
Труд сделал из обезьяны человека	53
Снова противогаз	55
Новый год	57
Зимние каникулы	59
Пианино от слова «пьяный», а хор от слова «хорек»	62
Мясорыбный суп	66
Мечта стать Штирлицем	69
Наша опора и надежда – КомСоМол	71
Мое предательство	73
5 сентября 2010 года	77
Мне девять лет	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юлия Миланес

Мемуары непрожитой жизни

Лабиринт – это такое странное явление, в котором не знаешь, где начало и где конец пути. Преодолевая множество извилистых поворотов, ты думаешь, что скоро увидишь мир во всей красе, с легкой утренней дымкой и щебетом птиц, но сворачиваешь за угол – и видишь новый путь, которому нет конца. Лабиринт внутри нас и снаружи. Лабиринт мыслей, судеб, потоков энергии. Конец лабиринта всегда наступает, ждешь ты этого или нет, радуешься этому или скорбишь. Сама жизнь на Земле есть лабиринт случайных явлений и неожиданных поворотов...

1977 год

Мое право на начало этой жизни и вхождение в Лабиринт было оспорено и обсуждено множеством лиц. История началась очень просто и в то же время очень сложно. Жизнь маленького зародыша уже билась внутри молодого женского организма, но вокруг него происходили события, которые могли повлиять на начало его пути.

Молодой женский организм принадлежал, собственно, моей матери. Назовем ее Ирой и вообще познакомим читателя со всеми действующими лицами. Будущей молодой матери 19 лет, она окончила школу в пригороде Ленинграда и после окончания школы лелеяла мечту стать стюардессой Аэрофлота. Но с поступлением в специальное учебное заведение что-то не заладилось, и мама находилась в поиске своего места в жизни.

Хранилище памяти. Вот молодая мама на фотографиях – у нее всегда грустное выражение глаз. Мама сидит на мопеде (откуда мопед?) на деревенской улице. Вот мама у родственников в Базарово, сидит с удочкой на завалинке у простого рубленого дома. Мама – школьница старших классов в белом фартуке.

Бабка Люся и бабка Нина – другие участники рассказа. У нас в семье не говорили «бабушка», говорили «бабка», и ни-

кто не обижался. Жизнь так сложилась, что маму воспитывала моя прабабка – бабушка Люся. Она была стара к тому времени, у нее было доброе морщинистое лицо и сварливый язык. Много позже, когда я на нее смотрела, у меня почему-то всегда возникала мысль, что старухи всегда красивее стариков. Бабушка Люся была родом как раз из Базарово, что в Тверской области, поэтому свято чтит традиции предков и религию. У бабушки Люси имелся сын Владимир (её опора в старости) и дочь (моя «непутевая» бабушка Нина). Бабушка Нина была активисткой всех государственных начинаний в СССР: ездила шофером в геологической партии, строила БАМ и многие годы отсутствовала в жизни своих родственников.

Хранилище памяти бабушки Люси. «Нинка всегда была непутевая. Бывало, отправлю ее в школу, а она залезет в сад к Никифоровым и целый день ест черную рябину. Меня с работы в школу вызовут, спрашивают: где ребенок? Весь день ее ищем. Под конец дня Нинка возвращается домой – весь рот черный, а портфель и не открывала. Но строгая девка была: если какой парень начнет с ней интересничать, так и в морду могла дать».

Так как бабушка Люся была вдовой, а бабушка Нина разведенкой (видимо, потому, что каждому могла в морду дать), то семейный совет по поводу моего будущего рождения возглавили именно они. На повестке дня стоял вопрос, вызвавший скандал в «благородном семействе»: моя мать оказалась беременной без брака. Отцом назвался иностранный студент,

гражданин Кубы.

Хранилище памяти бабушки Люси. «Он (мой отец) когда в первый раз приехал, сказал, что все дела по хозяйству переделает. Для начала ему велели ветки с тополей обрезать. Так он лазал по деревьям как обезьяна! Все ветки обрезал и на грузовик погрузил. Но ему ж не впервой, они там у себя за бананами лазают».

Свадьба поможет избежать позора – вот выход из положения. К счастью, гражданин Кубы оказался разведенным.

Хранилище памяти. Вот фотографии со свадьбы моих родителей. Мама в белом платье и простом венке прикрывает ощутимо наметившийся животик. Отец везде сфотографирован так, что видно только полголовы, верхняя часть её – за отрезом фотографий.

Мне дана путевка в этот Лабиринт.

Браки заключаются на небесах, а расторгаются на земле

Счастливые годы учебы в институте, успешные или неуспешные, рано или поздно заканчиваются.

Хранилище памяти мамы. «Мы долго думали, что будет дальше. Я периодически впадала в отчаяние, потому что не могла решиться ехать за мужем на Кубу и жить там, не зная языка, обычаев, без образования и профессии, оторваться от дома, Ленинграда, который я не покидала ни разу в жизни. Мигель мне рассказывал, что у него на Кубе живет младшая сестра Минерва и младший брат Марио. Главой семьи считается его мать. Бабка Нина подзуживала: «Поезжай на Кубу, будешь свекрови ноги мыть и есть жареные бананы». Видя мой страх перед будущим, Мигель утешал меня: «Я смогу остаться при консульстве Кубы в Ленинграде. Мне поможет хорошее знание русского языка».

Однако остаться при консульстве Кубы не удалось. Правительство Кубы отправило на обучение специалиста по железнодорожным перевозкам, а не по иностранным языкам.

Хранилище памяти мамы. «Мигель лучше меня понимал, что я никогда не приеду на Кубу. Мне же периодами казалось, что я решусь. Прощались мы так, как будто должны были скоро встретиться. Мигель улетел».

Мне в это время исполнилось два года. На память остались маленькие старые черно-белые фотографии, которые мама делала на загранпаспорт, а мы свернули на новый путь в нашем Лабиринте жизни.

«Ешь, а то Боженька тебе уши отрежет»

В яслях каждое утро на завтрак была каша. Я не любила кашу вообще, но манную особо ненавидела. Мне нравился компот из сухофруктов. Собственно, манную кашу не любили все дети, а многие при этом еще и плохо пользовались ложкой. Тех, кто не хотел есть кашу, докармливали. Много позже один мой знакомый вспоминал, что у него в детстве с этим тоже были проблемы.

Хранилище памяти знакомых. «В летнем лагере для детей дошкольного возраста была превентивная мера по освоению выделенных на завтрак объемов манной каши: «Кто не съест завтрак, гулять не пойдет». Но мне хотелось не просто гулять, а первым прибежать и построиться, цепившись за веревочку, с помощью которой нас водили. Долгое время мне это не удавалось. В конце концов, однажды я просто запихал манную кашу себе в штаны и первым прибежал на построение. Моя уловка, естественно, сразу была раскрыта».

На лето меня отправляли в ближайший пригород, в частный дом бабки Люси. Дом казался мне очень большим, и в нем всегда было прохладно. Бабка Люся готовила на чугунной дровяной плите, обложенной кирпичом, с двумя, опять

же, кирпичными дымовыми трубами и множеством заслонок. Насчет питания у бабки Люси был особый пунктик, который встречается у многих людей, переживших ужасы войны. Она готовила не просто много, а ужасно много и вкусно. Еда, разложенная на тарелках, просто физически не могла уместиться в маленьком ребенке. «Вот, смотри, Боженька видит, как ты портишь еду!», – говорила бабка Люся, указывая на чадящую лампаду в углу большой комнаты. – «Ешь, а то Боженька тебе уши отрежет!»»

Это коммунальная квартира...

После свадьбы родителей бабушке Нине удалось выбить для нашей маленькой семьи комнату в коммунальной квартире, в которой жила она сама. В квартире проживало много семей (их количество я не могла тогда сосчитать), но в более позднем возрасте, уже после частичного расселения, связанного с увеличением нормы площади на жильца, в квартире осталось семь семей.

Бабушка Нина имела активную позицию в жизни и завоевала себе определенный авторитет среди соседей, показав полную компетенцию в вопросах уничтожения тараканов и прочих мелких вредителей, сбора средств на оплату коммунальных услуг (ее расчет, сколько и за что с кого собирать, всегда был точен), а также контроля за очередностью дежурств по уборке мест общего пользования. В случае невыполнения основных правил совместного проживания бабушка Нина всегда шла на открытую конфронтацию с нарушителем. И однажды у нее произошел конфликт с соседкой, которую она презрительно называла «Асолоткина», а я – «тетя Аня».

Суть конфликта, естественно, трехлетнему ребенку не была понятна, но его последствия запомнились мне на всю жизнь. «Асолоткина» перешла к активным действиям против тирании бабушки Нины и начала с того, что демонстративно обрезала бельевые веревки, на которых сушилось наше

постельное белье. Акция не возымела практического эффекта: моя мама просто скрыла этот факт. Тогда тетя Аня решила перейти к более продуктивным действиям и вылила бабкининин суп, найденный на газовой плите, в унитаз. Но тут приключился конфуз, потому что суповая кастрюля принадлежала многодетной семье Бурунчановых, и разразился огромный скандал, но совсем не там, где нужно. Тут-то и выяснилось, что все эти провокации направлены исключительно против бабки Нины.

Финал противостояния был таков. Однажды вечером они столкнулись в нашем длинном, плохо освещенном, узком и извилистом коридоре на встречном движении и начали толкаться, так как комплекция у обеих дам была очень даже широкой. Когда бабке Нине все эти телодвижения надоели, она просто с размаху возложила сырые яйца, которые несла на кухню в обеих руках, на голову «Асолоткиной». Враг капитулировал, вопя и причитая.

Баба Яга

Наш дом выходил окнами на железнодорожную станцию Ленинград – пассажирский – Витебский (проще говоря, находился возле Витебского вокзала). Днем и ночью на вокзале объявляли прибытие и опрвление поездов. Слова было не разобрать, но речь отчетливо слышалась. Меня долго дожимало любопытство, кто это разговаривает, пока Виталик Асолоткин, который был на два года старше, не сказал из вредности: «Это кричит Баба Яга, костяная нога». Я к тому времени уже привыкла засыпать под вопли Бабы Яги и ничуть не пугалась, но мне ужасно хотелось сходить и на нее посмотреть. В конце концов, я утвердилась во мнении, что Баба Яга не такая уж злая, как рассказывают в сказках, потому что только кричит, а детей не утаскивает, как в сказке «Гуси-лебеди».

«Гуси-лебеди» – это враньё, таков был мой вердикт.

Мой жених Лешка Перчук

В средней группе детского сада у меня обнаружился друг – Лешка Перчук. Не помню, почему мы подружились и даже во что играли, но запомнился один короткий эпизод с побегом из детского сада.

Дело было зимой. У нашего детского сада была просторная детская площадка, оборудованная всем, что по законам советского воспитания требовалось детям дошкольного возраста. В этот день шел мокрый снег крупными хлопьями, и радостная детвора катала снежные шары на спор: кто накает больше. У нас с Лешкой получился такой большой шар, что мы не смогли вдвоем переместить его на середину площадки. Взмокшие и удовлетворенные результатами своей работы, мы построились и пошли на обед.

Вечером наступила оттепель, на игровой площадке образовалось море разливанное талой воды, и детей туда не пустили. Средняя группа толпилась на заасфальтированном подъезде для продуктовых машин, а мы с Лешкой очень переживали за судьбу нашего снежного шара. После долгих раздумий было принято решение навестить его, когда нас придут забирать родители. Первой пришла моя мама и завела беседу с дежурным воспитателем. Теперь, когда взрослые были заняты, мы и выбрали момент для нашей маленькой вылазки. Там нас ждало глубокое разочарование: на месте

красавца-шара мы обнаружили бесформенный жалкий комок снега в глубокой луже. Я ужасно расстроилась, а Лешка вдруг сказал: «Пойдем ко мне домой. Я покажу тебе свои игрушки». Никаких сомнений не возникает, когда друг предлагает пойти в гости, и, взявшись за руки, два несознательных ребенка побежали прочь из детского сада.

Отчаявшаяся воспитательница с разъяренной моей мамой настигли нас, когда мы уже благополучно миновали две автомобильные дороги. Началось разбирательство, при этом мы даже не думали переваливать вину друг на друга. В роли адвоката выступил Лешка, заявив: «Мы идем ко мне домой, потому что Юля моя невеста». Это был случай, после которого мне здорово досталось на орехи, а воспитатели долго потом говорили друг другу: «Иди, посмотри, на месте ли жених с невестой».

Сказки на ночь

Мама поступила в институт на вечернее отделение. Теперь она днем работала, а вечером училась. Я ее видела только утром. Когда она возвращалась домой, я уже спала. Усилилась роль бабок в моей жизни. Бабка Люся специально приезжала из Горелово, чтобы забрать меня из детского сада. Мне объясняли, что мама скоро станет железнодорожником.

Хранилище памяти бабки Нины. «Как-то утром ты проснулась и обнаружила маму спящей на диване. «Мама, мама, когда ты вернулась? Я же специально не спала. Ты в форточку влетела?»»

Потом начались сессии. Какие-то непонятные сессии заставляли маму не спать все ночи напролет. Я просыпалась, видела склоненную мамину голову под настольной лампой и засыпала снова. В книжках, которые мама читала, были странные, непонятные картинки. А в одной была нарисована голова человека с хоботом как у слона, здоровенные облака в форме гриба и лысые люди. «Это просто противогаз и ядерный взрыв», – объясняла мама, рассеянно заглядывая в конспект. – «Если на нас нападут американцы, то мы сможем спастись с помощью противогаса при газовой атаке и не умрем при ядерном взрыве, если быстро добежим до метро, когда начнется эвакуация». С ее речью в мою голову втекала информация о том, что метрополитен является универсаль-

ным бомбоубежищем, что рельсы трамвая, железной дороги и метрополитена одинаковы и могут быть использованы для пропуска эшелонов с оружием и ранеными, что радиацию не увидишь и не почувствуешь, а просто заболеешь и умрешь, и много другой информации, которую сейчас я уже просто забыла.

«Какие злые эти американцы», – думала я, и чувство, которое приходит однажды к каждому ребенку, чувство страха перед смертью, пришло и ко мне, заполнило мои мысли. На определенном этапе своего развития каждый ребенок осознает, что все люди смертны. Умрут бабушка и дедушка, мама и папа, наконец, умрет он сам. Эта пугающая мысль является первым, основополагающим открытием ребенка и зачастую самостоятельным. Страх ребенка перед смертью пытаются скрасить взрослые, говоря: «Люди долго живут, старятся, дряхлеют и обретают мудрость. Мудрые люди не боятся смерти, потому что много видели и знают». Или: «Бог создал для умерших людей Царствие небесное. Все души умерших попадают на небо, смотрят оттуда на нас и радуются», и так далее. Впоследствии ребенок перерастает страх смерти, отодвигает его на второй план. А у меня наступил страх нападения американцев, из-за которого все могут умереть. Самым страшным при этом было предположение, что мама умрет, а я останусь жить в метрополитене.

В ту же ночь мне приснился сон. Сон был красочный, разноцветный, с удивительно точной детализацией. На дворе

лето. Мы с бабкой Люсей стоим в Горелово у высоких берез на нашем участке. Я вижу зеленый забор нашего участка и свою песочницу. Все привычные вещи на месте. И вдруг я откуда-то узнаю, что распространяется газ, хотя не вижу его и не слышу. Противогозов у нас нет, и появляется ощущение, что все противогАЗы находятся в метрополитене, а в пригороде метрополитена нет. Мы ложимся на землю и умираем. Ничего не происходит, потому что я понятия не имею, как это – умирать. Но точно знаю, что сейчас мы умрем. Прилетает вертолет, оттуда на нас долго смотрят злые американцы в противогАЗах и потом улетают. Я просыпаюсь от страха.

А у нас – тихий час...

В старшей группе детского сада половина детей уже не спит днем, а лежит, зажав глаза. Мы спим на раскладушках, которые разбираем перед сном. В разные дни они собираются и разбираются в разной очередности: ты каждый день спишь на своей раскладушке, но в разных углах комнаты. Раскладушки мы опознаем по пижамам и ночным рубашкам, которые лежат под подушкой. У меня оранжевая ночная рубашка в горошек, а у Лешки Перчука – зеленая пижама с мишками. Я люблю, когда моя раскладушка чудесным образом оказывается у аквариума, тогда можно весь тихий час наблюдать за рыбками.

Иногда мы придумываем игры. В тот раз заводилой была я. А что? Это очень интересная игра – снимать и надевать трусы под одеялом, кто быстрее, при этом так, чтобы не заметила воспитательница. Тогда к нашей молодой воспитательнице пришел кавалер – военный, и они пили чай, пока дети «видели десятый послеобеденный сон». Раз пять я победила, прежде чем мы попались. На шестой раз воспитательница, услышав возню одного из членов нашего преступного сообщества, сдернула одеяло и обнаружила, что её воспитанник «спит» со спущенными до колен трусами. Не знаю, что она подумала по этому поводу, но «преступник» был жестоко наказан шлепками по заднему месту и поставлен в угол.

Истории не известно, что было бы, если бы воспитательница обнаружила, что полгруппы «спит» точно в таком же виде.

Шуба

В 70-80 годах в историческом центре Ленинграда во многих домах не было горячего водопровода. Как ни странно, но «огорачивание» дореволюционного жилого фонда было завершено в конце 80-х годов, когда даже продукты питания в Ленинграде продавали по талонам. Спасались хлоркой. Запах хлорки для меня родной с детства. Ею пахло дома и в детском саду. Особенно сильно распространялся этот запах по коммунальной квартире, когда Бурунчановы кипятили постельное белье своих детей, количество которых с каждым годом прибавлялось, пока не было доведено до победной цифры восемь.

По выходным мы ходили в баню на Курскую улицу. В бане обслуживались два женских отделения: душевое и люкс. В душевом были, естественно, кабинки с душами, а в люксе – маленькие отсеки с обычными ваннами, которые сейчас имеются в каждой квартире. Мама брезговала ходить в люкс, говорила, что, сколько ни мой эти ванны, сифилис не выветрится. Мне всегда было интересно, что такое сифилис. В душевом отделении нам выдавали алюминиевые шайки. Это очень смешное слово, ведь бандиты тоже сколачивают шайки. В бане мне всегда надевали тонкие резиновые калоши. Объяснялось это тем, что мама боялась «грибка». Я видела до этого грибки – подосиновики, подберезовики и бе-

лые, их привозила бабка Люся из Горелово, чтобы варить из них вкусный суп, и мне очень хотелось вырастить грибок на ноге, поэтому я снимала калоши по поводу и без повода.

Но был при хождении в баню один неприятный момент. Мы жили на Обводном канале, а баня, как я уже говорила, находилась на Курской, следовательно, после помывки нужно было шлепать около километра домой. Для того чтобы я не простудилась на обратном пути, даже в мае на меня надевали черную плюшевую шубу и мохеровую вязаную шапку темно-бурого цвета. При этом я чувствовала себя инопланетяжкой, когда проходила мимо детей, играющих во дворе в одних футболках и трениках. Однажды, во время такого мочiona, я встретила своего товарища по детскому саду. Но он оказался совсем не товарищем, потому что крикнул на всю улицу: «Юлька, ты что, дура?! Зачем ты шубу надела?»

Хорек за батареей

Все маневры с хлоркой не помогли нам в борьбе с дизентерией. Первым заболел Виталик Асолоткин, его увезли на «скорой», а меня и детей-Бурунчановых посадили на карантин. Мама начала обрабатывать всё хлоркой, но так и не успела закончить: для детей-Бурунчановых и меня понадобилось две машины скорой помощи.

В то время в больницах не разрешалось совместное пребывание родителей с маленькими детьми старше двух лет; больничный лист матери при госпитализации ребенка старше трех лет и сейчас выдавать не положено. В больнице Пастера, куда нас привезли всем цыганским табором, родителям запрещалось даже навещать инфицированных детей, допускалось только приносить передачи. Меня положили в изолированную палату с наполовину стеклянными стенами. Рядом за стеной плакал двухлетний Андрюша Бурунчанов, который тоже оказался в палате один.

На второй день мама прислала мне посылку с едой, абсолютно бесполезную: мне разрешалось есть только больничную пищу. Санитарка показала мне посылку, сказала: «Вот видишь – игрушек нет» и унесла ее прочь.

Все дни я проводила, рассматривая через стеклянные стены, что делается в соседних палатах. Андрюша Бурунчанов недолго оставался в одиночестве: на второй же день к нему

подселили мальчика лет восьми. Первым делом мальчик отобрал у Андрюши вареную морковку, выданную после обеда. Потом начал с ним «играть». Игра заключалась в том, что мальчик отнимал у Андрюши погремушки и вешал их на недосыгаемую для малыша высоту. Андрюша подпрыгивал как мог, но безрезультатно. Наконец, ему это надоело, он сел в кровать, скривил ротик и заплакал.

Мама прислала мне мою любимую куклу. Я играла с ней ровно один день: на следующий день пришла медсестра и забрала куклу на дезинфекцию, а еще на следующий день мне выдали уже не куклу, а кубик Рубика. Этот кубик мне не просто не удавалось собрать – я даже понять не могла, что с ним надо сделать.

Медицинские сестры никак не могли понять, почему все время плачет Андрюша Бурунчанов. Незнакомый мальчик уже настолько обнаглел, что посадил ему на лоб погремушкой огромную ссадину.

Как-то утром в мое окно ударил комок снега. Прямо у забора, ограждающего больницу, стояла бабка Люся. Умудренная большим жизненным опытом старая женщина доставала из сумки и показывала мне в окно, что она принесла (как будто я могла это потом забрать у медперсонала). Бабка Люся принесла книжки с картинками и небольшого резинового хорька. Через пять минут на сестринском посту разразился скандал. «Что вы! Книжки нельзя! Как мы их, по-вашему, должны обрабатывать?». Но хорек до меня благопо-

лучно добрался. Сестры сменились, заступившая сестра про хорька ничего не знала. В пустой палате практически не было места для того, чтобы его спрятать. После долгих поисков, хорек был засунут за батарею отопления.

Хранилище памяти мамы: «При выписке нам не разрешили войти в помещение больницы. Мы стояли у въезда для машин скорой помощи и поджидали, когда тебя выведут. Ты вышла уже полностью одетая, но шагала как-то странно, поминутно прижимая руки к животу. Оказалось, что вся проблема в хорьке, спрятанном за резинкой рейтуз. Как тебе это удалось?»

Мариуполь

Бабушка Нина каждый год ездила на юг, к теплому морю. Она в это время работала ревизором в поездах дальнего следования и имела множество знакомых проводников во всех городах и весях, со всеми дружила и всех навещала. В тот год, когда мне исполнилось шесть лет, ее пригласили в гости в Мариуполь. Было решено, что я уже достаточно большая, чтобы не нудить в поезде двое суток, и меня взяли к морю.

Билетов в Мариуполь в разгар сезона было не достать, и мы поехали «зайцами». До этого времени я ездила только на электричках в Горелово к бабушке Люсе, поэтому меня поразило в поезде дальнего следования абсолютно все, особенно наличие туалета. Поэтому, когда мы проехали Ленинградскую санитарную зону, я попросилась в туалет и с удовольствием нажала на педаль слива раз так десять.

Сначала мы расположились в купе для проводников, а потом, не мытьем так катаньем, проводники нашли для нас два места из невыбранной «брони» в обычном купе. Мы пили чай из стаканов с красивыми подстаканниками. Потом от избытка впечатлений я уснула на нижней полке, подложив под голову неразобранный, скрученный в колбаску матрас.

В Мариуполе мы жили в отдельной однокомнатной квартире, но далеко от моря. Там повсюду водились колорадские жуки: их было столько, что когда мы шли по асфальту, они

противно хрустели под ногами. Еще в Мариуполе находился большой завод «Азовсталь». Его трубы были выше всех зданий в городе.

И еще в Мариуполе было теплое море, очень мелкое и прозрачное. Можно долго-долго идти, а вода все время по колено. Так получилось, что на Азовском море в Мариуполе я оказалась раньше, чем на Финском заливе Балтийского моря в Ленинграде.

Хранилище памяти. На одной из первых моих цветных фотографий я стою на пляже в Мариуполе на фоне моря, «Азовстали» и картонной пальмы с мячом в руках. Но я точно помню, как была сделана эта фотография. По пляжу ходил уличный фотограф с ручной обезьянкой. Мне очень захотелось взять эту обезьянку на руки, и бабушка Ни-на заплатила за фотографию. Обезьянку посадили мне на плечо, но ей, видимо, не очень понравилось сидеть на плече недоростка, и она укусила меня.

Зубы даже у таких маленьких обезьянок, как у собак. Я морщусь от боли и фотографируюсь с мячом.

У бабки Нины гости

Вход в комнату бабки Нины всегда был запрещен. Но в тот день мама была в институте, а у бабки Нины собрались гости. Я чинно сидела за столом в прокуренной комнате с огромным количеством книжных полок и помалкивала. Когда взрослые говорят, их нельзя перебивать – это первое, чему учат в детском саду: сначала вырасти, тогда и говори.

За столом сидят ревизоры (это новое слово, чем они занимаются, я не знаю). Мне скучно, и я рассматриваю фотографию на стене, где молодая бабка Нина стоит на фоне палатки в лесу, рядом с мужчиной, который держит в руках мертвую рысь. «Он, наверное, убил ее из ружья», – думаю я, – «или она попала в капкан и умерла сама». А ревизоры травят байки и громко хохочут.

Хранилище памяти бабки Нины. «В тот год я ездила отдыхать в Лоо на Черноморское побережье Кавказа. Дело было в сентябре, и поток отдыхающих уже спал. Вошла с чемоданом в свой вагон, сунулась к себе к купе, а там сидит пьяная компания. Только посадка началась, а у них все уже в стельку. Я к проводнице, говорю: «Мое место занято другими людьми». Проводница обещает, что все устроит, открывает другое купе, и я вижу, что там тоже пьяная компания. Тут уж я не выдерживаю, показываю корочку ревизора и требую, чтобы «зайцев» в вагоне не было. Проводница

начинает бегать по всему вагону и высаживать «зайцев». В результате, когда все, наконец, расселись на свои места, обнаруживается, что я еду в купе одна. Устраиваюсь поудобнее и еду до станции Бологое. А там садится ревизия, и по коридору начинают метаться две тоненькие девочки. Я их спрашиваю: «Нет билетов?». Они качают головой. Заходим ко мне в купе, поднимаем верхние полки и «зайчишки» полностью умещаются за сгибом верхних полок. Последний штрих – забрасываем «зайчишек» матрасами, одеялами и подушками. И через 15 минут приходишь ты, Витька Порхун... Помнишь, как ты мой билет проверял?»

22 августа 2010 года

Перечитываю и редактирую свои записи о дошкольном возрасте. Неужели ребенок столь малого возраста может столько понимать и запоминать? Как удивительно устроен человеческий мозг! Может, все эти истории не настоящие, просто «ложная» память, или я их сама себе придумала? Нет, я помню и бабушку Люсю, и бабушку Нину совершенно отчетливо, хотя их уже больше нет с нами. Откуда в заметке «Мой жених Лешка Перчук» взялась фраза «море разливанное»? Я в детстве так говорила? Точно помню, что говорила. Удивительная штука – человеческая память...

Запомнит ли мой сын свое детство так, как запомнила его я?

Его привозили с дачи домой на два дня для того, чтобы мы купили все необходимое к школе. Он уже пойдет в третий класс. Он стал высокий, сильный и гибкий, как угорь. В нем уже нет детской пухлости и смешной неуклюжести. Девять лет, он со мной уже девять лет... До того, как он приехал, я даже не понимала, как сильно по нему соскучилась, как мне его не хватало. Он стал независимым, и уже не понятно, кто кому больше нужен: он мне или я ему. Он теперь влюблен в девочку Катю, с которой играл на даче. Уехал с двойственным чувством: с одной стороны, ему хочется остаться дома, со мной, с другой стороны – ему на даче весело и там Катя.

При всем понимании того, что ребенку летом на даче лучше, у меня в очередной раз будто кусочек сердца откололся.

За забором

Остаток лета после Мариуполя я провожу в Горелово, в большом и всегда прохладном доме бабки Люси. Для меня привезли машину речного песка и выгрузили за забором внутри участка. За забором бегают мальчишки, они играют в «войнушку». Мне не разрешается выходить с участка, потому что на улице ездят машины. Точнее, утверждается, что машины не ездят – они гоняют, как безумные. Сейчас смешно даже вспоминать об этом: в то время по нашему Речному переулку проезжал от силы один автомобиль в сутки, причем этот автомобиль принадлежал дяде Володе, старшему сыну бабки Люси и брату бабки Нины.

Один мальчик останавливается на улице прямо напротив меня. Мальчика зовут Алик.

Хранилище памяти. Таким я его и увидела в первый раз – своего будущего мужа. Он был очень загорелый, лопухий и кривоногий. Алик стоял, смотрел на меня из-за забора и весело посвистывал. Одет он был отнюдь не в детские вещи: на нем была поношенная военная гимнастерка защитного цвета, треники размера на два больше его самого, подвернутые снизу, с пузырями сзади и на коленях. Не могу сейчас вспомнить других подробностей, но физиономия у него была вспотевшая и довольная.

Алик заинтересовался моими игрушками, и я, наивная

душа, нисколько не сомневаясь, пригласила его ко мне за забор играть вместе. Машинок у меня не было, зато был построен лабиринт. «Тут живет Минотавр», – гордо объясняла я. Алик в садик не ходил (тогда это называли «неорганизованный ребенок») и хотя был старше меня на два года, про Минотавра никогда не слышал и даже мультфильм «Мифы древней Греции» не смотрел. «Здесь будет гараж», – деловито поведал он мне и взялся за совок.

Играть с ним было интересно, но бабушка Люся, увидав, что у нас за забором создался тандем, выставила Алику без всяких церемоний. «У него родители алкоголики, – увещевала она меня, – он украдет все твои игрушки – порода такая».

Для того чтобы мне не было скучно, привели моего троюродного брата Женю. Женьке было всего три года, и первым делом он сломал мой лабиринт со всеми хранящимися там минотаврами. Такого я потерпеть не могла и огрела Женьку по спине железным совком, продуктом отечественной игрушечной промышленности. Теперь, когда я вспоминаю этот совок, я удивляюсь, как я ему вообще ничего не сломала. На громкий рев Женьки сбежалась вся родня. В тот вечер навещать меня приехала мама. Такой она и нашла меня на крыльце дома – зареванной и наказанной.

Мамины духи

Мама приезжала меня навещать на выходные, в пятницу вечером. Нередки были случаи, когда она приезжала, но, рассорившись с бабушкой Люсей, обижалась и уезжала обратно. Бабушка Люся как будто не понимала, как важно для меня быть с мамой: каждую пятницу она заводила скандал, из которого я понимала многократно повторенное слово «кукушка». Это мама, значит, была кукушкой. Кукушки сами не растят своих птенцов. Они не выют гнезда, а когда сносят яйцо, просто подкидывают его в чужие гнезда. Так и получается, что кукушат растят другие птицы. В садике нам рассказывали, что кукушата очень прожорливы, велики размером и, зачастую, выталкивают остальных птенцов из гнезда. Это, значит, я была кукушонком.

Когда мама оставалась, она долго спала в субботу, а я ходила вокруг да около. Для того чтобы я ей не мешала спать, мне было разрешено рыться у нее в косметичке. Больше всего в этой косметичке мне нравились духи «Кристиан Диор», потому что они пахли мамой. В конце концов, чтобы запах мамы оставался у меня надолго, я украла картонную упаковку от духов, и в те дни, когда мамы не было рядом, доставала ее из тайничка, который оборудовала на террасе, и тайно ее нюхала. Особенно это утешало меня в минуты обиды и тоски.

28 августа 2010 года

Я вспомнила про Димкиных кукол. Сегодня я убиралась в квартире и везде на них натыкалась.

В первом классе всем детям на выбор были предложены кружки прикладного творчества. Мой сын выбрал кружок, на котором изготавливались русские народные куклы. Меня удивил такой выбор: он не захотел ни на дзюдо, ни на баскетбол. Он называл этот кружок «куколки». Так и говорил: «У меня сегодня куколки, пусть бабушка меня рано не забирает». И, что удивительно, при всей его неусидчивости, сын не пропустил ни одного занятия.

Первые куколки выходили корявыми растрепками. Он приносил их домой и дарил мне. «Молодец, сынок, спасибо», – говорила я, с удивлением рассматривая очередного тряпичного монстрика, сотворенного моим сыном. Беда еще в том, что внутри эти куколки заполнялись мочалом, и от них разносился устойчивый запах советской швабры. К этому запаху еще бы запах хлорки, и я бы полностью оказывалась в своем детстве. В общем, меня все время мучила мысль, что этих куколок надо выбрасывать. Это продолжалось до тех пор, пока я не поговорила с руководителем кружка.

Хранилище памяти. «Ваш сын вас так любит! Он единственный мальчик в моем кружке. Однажды девочки заболтались на занятии, а он сказал им так строго: «Вы сейчас

прослушаете, как делать, а я не прослушаю, все сделаю правильно и подарю куколку моей маме. Она очень обрадуется».

Вопрос о выбросе «куколок» с тех пор вообще не стоял в моей голове. Мне оставалось просто поражаться тому, как предан мне мой ребенок, и вспоминать, как предана я была маме в детстве. Это чувство детской любви и преданности моего сына, быть может, самое дорогое, что есть у меня в жизни на текущий момент. И я признательна ему за то, что он ведет себя, хоть как маленький, но все-таки мужичок, и счастлива, что он есть рядом со мной.

Девочка из Москвы

К нашим соседям на Речном переулке приехала на месяц погостить дальняя родственница – девочка Таня. Таня была на три года старше меня и уже ходила в школу, но ей тоже не разрешалось бегать на дороге с мальчишками. Зато ей разрешали ходить ко мне и играть у меня за забором. Мне нравилась фамилия Тани – Воронцова, а ей моя – Хименес. Родители Тани были военными, и она каждое утро делала зарядку, чистила зубы и заправляла кровать, чем мне каждое утро, когда я выползала из своей комнаты, «кололи глаза».

Фотография в альбоме. Мы с Таней сидим на скамейке. Таня коротко подстрижена, на ней летнее платье в крупную красную клетку. Таня сидит, выпрямившись и сложив руки на коленях. Рядом сижу я. Один гольф у меня на ноге спущен, длинные волосы не заплетены, а забраны под старушечью бабки Люсину косынку. Из-за того, что я дрыгала ногами во время фотографирования, обе ноги на фотографии неестественно выгнуты.

Мы с Таней любили играть в школу. Таня была учительницей, а я ученицей. Еще в садике я выучила алфавит, и Таня учила меня складывать слоги.

Хранилище памяти. Впоследствии Таня окончила институт и стала детским психологом. Талант к работе с тупыми детьми у нее, по-видимому, проявился еще в детстве,

когда она сама была ребенком. Таня уже уехала обратно в Москву, когда в один прекрасный день я начала читать. А дело было так. Я сидела и рассматривала картинки в детской книжке и пыталась прочитать заголовок рассказа. Без всякого особого труда буквы у меня сложились в слово «Сашка». Я побежала к маме и, тыкая в заголовок указательным пальцем, кричала: «Сашка! Сашка!». К маминому удивлению я смогла прочитать и сам рассказ – историю о том, как Ленин был в ссылке и к нему прилетал воробей, которого называли Сашкой.

НОВЫЙ ВИТОК

Школа – это новый виток Лабиринта. В школе заканчивается беззаботная жизнь, и ребенок становится еще более «организованным». Советская школа воспитывала советских детей, строителей светлого коммунистического будущего. В школе к ученикам предъявляли требования не только по обучению дисциплинам, но и соответствия сначала канонам октябрят, потом пионеров, а потом и комсомольцев. До комсомольца мне как-то не удалось дорасти в связи с развалом Советского Союза и всей социалистической действительности, но октябренком и пионером я побывала, хотя никакого чувства приобщения к великому у меня от этого не возникло. Наоборот, у такого неорганизованного ребенка, как я, возникало лишь чувство досады от необходимости каждый день гладить шелковый красный галстук, который к вечеру опять становился мятым.

В этом месте, наверное, надо сказать, что в школу меня отправили с шести лет. Этому невольно поспособствовала Таня Воронцова, научившая меня читать и считать, поэтому мама не сочла нужным отправлять меня в подготовительную группу детского сада.

Я не смогла запомнить имен своих воспитателей, но имя первой учительницы, наверное, помнит до старости каждый человек.

Ходить в школу – это твоя работа...

Я не могла сначала понять, нравится мне школа или нет. В тот день меня привели на медицинский осмотр. Здание школы было мрачным, внутри стены были выкрашены краской защитного цвета до середины стены, а чуть выше маминого роста и до потолка была побелка. Обстановка школы напоминала детскую поликлинику и упорно ассоциировалась с болезнью.

В медицинский кабинет стояла очередь из детей моего возраста. С большим неудовольствием я отметила, что Лешки Перчука там нет. На мой вопрос мама замялась и неуверенно ответила, что возможно, и даже очень вероятно, Лешка Перчук пошел в подготовительную группу детского сада.

Мы с мамой стояли в очереди за толстым и высоким мальчиком с отцом в милицейской форме. Мальчик вел себя нагло и всем предлагал «попробовать кулака», на что его отец мило улыбался. Но перед входом в кабинет мальчик как-то присмирел, особенно после того, как моя мама многозначительно сказала, вроде бы ни к кому не обращаясь: «Наверное, там уколы делают», а сама ободряюще мне подмигнула. Но после выхода из кабинета мальчик (его звали Сережа Швидченко) бесцеремонно заявил мне: «Твоя мама – дура. Там

уколы не делают». Я на это ответила: «А твой папа вообще мильтон», за что тут же получила кулаком в предплечье.

В медицинском кабинете меня взвесили и долго и бесцеремонно копались в волосах, даже распустили обе косички. Как потом мне объяснила мама, они искали вшей. Вши – это такие насекомые, которые живут в голове. Вшами я еще, слава Богу, не болела, только дизентерией. Потом меня взвесили и безапелляционно заявили: «Очень крупная девочка для шести лет. У нее ожирение». Тут я почувствовала себя совсем неуютно. Хоть мне и не было известно точное значение слова «ожирение», но я поняла, что у меня есть лишний жир, то есть, я жирная.

Понурившись, я шла с мамой домой. Школа мне определенно уже не нравилась. Перспектива учиться с Сережей Швидченко вместо Лешки Перчука, такого родного и верного друга, да еще если тебя все взрослые будут обзывать жирной, меня совсем не прельщала. Я робко предложила: «А может, мне еще походить в детский сад?», но мама твердо ответила: «Ходить в школу – это твоя работа».

Марина Ивановна

Холодным утром 1 сентября я надела коричневое платье с белым передником и сделала себе два кривых «хвоста» с белыми бантами. Настроение было самое паршивое. По случаю 1 сентября у мамы был отгул, обе бабки тоже присутствовали, причем бабка Люся привезла из Горелово собственноручно выращенный букет гладиолусов.

Я вложила свою потную от волнения ладошку в мамину руку, и мы всей семьей двинулись к школе. Во дворе школы толпилось множество народу, и я сразу стала бояться, что потеряюсь. Старшеклассники выделялись своим колоннообразным ростом, другим видом формы, а также тем, что поочередно бегали за угол школы курить. Мама нашла табличку «1 В класс», возле которой уже стояла небольшая толпа взволнованных родителей с моими будущими одноклассниками. С огорчением я обнаружила, что, несмотря на то, что было набрано три первых класса, Сережа Швидченко оказался как раз в моём. Он, будучи на голову выше сверстников, стоял со своим папой-милиционером и победным взглядом озирали хилых одноклассников. «Вот уж у кого точно ожирение», – подумала я, и настроение совсем испортилось. Я стояла, потупившись, и меня совершенно не занимало то действие, которое разворачивалось на школьной площадке. А там в это время все построились на торжественную линей-

ку, и у стойки нашего класса появилась невысокая, худая и прямая, как палка, учительница. Потом долго говорили речи, трясли колокольчиком и играли торжественные марши. От волнения мне захотелось есть, но еды в ближайшем будущем не предвиделось, так как нас повели на урок мира. О чем там говорилось, мне так и не удалось запомнить, хотя этот урок мира проводили ровно десять раз за все время моего пребывания в школе.

Нашу учительницу звали Марина Ивановна. Я все время ждала от нее неприятностей, как минимум того, что она при всех объявит, что у меня ожирение. Этого, конечно, не случилось, но если неприятностей ждешь, то они обязательно наступят. Когда все достали школьные принадлежности, выяснилось, что у абсолютного большинства учеников тетради, прописи и даже учебники в полиэтиленовых обложках. Полиэтиленовых обложек не было только у меня и еще у одной девочки – Юли Безверховой. Нас поставили перед фактом, что на следующий день мы обязаны иметь такие обложки. Соответственный выговор был объявлен и моей маме, когда она пришла меня забирать. Мне было неприятно, что Марина Ивановна выговаривает моей взрослой маме, как провинившейся девчонке.

Остаток дня моя мама провела, бегая по канцелярским магазинам в поисках обложек, но так их и не достала, потому что вся дефицитная канцелярия была сметена с прилавков перед злополучным Днем знаний. Однако в коммунальной

квартире среди ее обитателей имела место взаимопомощь, и одна полиэтиленовая обложка для тетради, мягкая и старая, была предоставлена нам семьей Радченко. Но и этой обложкой мне не суждено было воспользоваться, потому что от отчаяния у моих домашних случился паралич мозга, и они взяли эту единственную обложку проглаживать утюгом. Разумеется, полиэтилен немедленно налип на утюг.

Марина Ивановна, между тем, пошла на принцип и в течение месяца не проверяла наши с Юлькой Безверховой каракули в прописях, до тех пор, пока прописи не сменили плебейские бумажные обертки на благородные полиэтиленовые. По этому поводу у нас с Юлькой возникла коалиция, основанная на осознании нашей неполноценности по отношению к остальным ученикам. Марине Ивановне мы дали прозвище Каркуша и по-другому ее между собой не называли.

28 августа 2010 года

Впоследствии выяснилось, что некоторые учителя советской закалки идут на принцип по поводу и без него. В этом году меня в очередной раз удивила учительница сына Нателла Ивановна. Лето 2010 года выдалось аномально жарким, и это было заметно уже в мае. В конце мая, за три дня до окончания учебы начальной школы, твердо установились температуры выше 25 градусов по Цельсию, и я разрешила Димке пойти в школу в шортах и футболке. Выговор последовал незамедлительно. В тот же день в дневнике появилась запись: «Без школьной формы не приходите!». Я провела ревизию нашей школьной формы, и меня взяла тоска. В наличии имелись черные шерстяные форменные брюки, шерстяной вишневым пиджак, хлопчатобумажные водолазки с рукавом и единственная парадно-выходная белая шелковая рубашка без рукавов. Я сама поразилась своей трусости, но ребенок на следующий день был отправлен в школу в шерстяных брюках и парадно-выходной шелковой рубашке, которая была белой только до того момента, как мой сын пришел на обед в столовую.

«Мармазетки»

«Мармазетки» – первое новое слово, которое я выучила в школе. Просто это было любимое ругательство Марины Ивановны. У нас за первой партой сидели Даша Ковальчук и Лена Орел. Их посадили впереди из-за маленького роста. Они дружили и постоянно затевали друг с другом на уроках веселую возню. Даша и Лена первые стали «мармазетками». Как нам было объяснено, мармазетки – это такие маленькие обезьянки, которые ни минуты не сидят на месте, а самое главное, всегда заняты друг другом, в частности, вычесыванием и поеданием блох. Мармазеткой можно было оказаться за любое отключение от учебного процесса во время урока. Я, например, стала мармазеткой за привычку грызть ногти, а кое-кто – за привычку ковыряться в носу.

Я и спорт – вещи несовместимые

В школу нужно было приходиться за десять минут до звонка на первый урок. Объяснялось это просто: каждое утро в классе проводили зарядку. Причем не просто «мы писали, мы писали, наши пальчики устали», нет. Это была полноценная зарядка с приседаниями и наклонами. Кто придумал дружно потеть в составе тридцати человек в душном классе и потом потными садиться на первый урок, для меня до сих пор остается загадкой.

Зарядку я возненавидела в первую очередь за наклоны вбок. В один прекрасный день, когда я, пыхтя, пыталась наклоняться, Марина Ивановна подошла и сказала: «Да, талия совсем не гнется». А еще у Марины Ивановны был просто пунктик насчет осанки у девочек. Во время урока она подходила и хлопала ладонью по спине ссутулившихся за партой девчонок. Это было не больно, но неожиданно. Любимой лекцией Марины Ивановны был рассказ о том, что в царские времена в Институте благородных девиц ссутулящимся воспитанницам привязывали к спине деревянные доски. Оставалось только радоваться, что мы учимся не в царском институте благородных девиц.

Другим не совсем радостным явлением в моей жизни стали уроки физкультуры. Так как у меня было ожирение, я сразу стала стесняться надевать отечественный спортивный ко-

стюм (синий с красными резинками в белую полоску), обтягивающий меня с головы до ног, а надев его, старалась спрятаться подальше. Ничего из этого не выходило. Наш учитель физкультуры Евгения Валерьевна старательно пыталась заразить нас любовью к спорту. Первоначально у меня еще хоть что-то получалось: я могла пробежать стометровку даже не последней и без одышки, подтянуться лежа нужное количество раз и вообще все, что требовалось, я выполняла. Но потом неумолимая Евгения Валерьевна попыталась приобщить нас к игре под названием «пионербол». Сейчас такое название никто не знает, а в то время между школами даже проводились чемпионаты по пионерболу. Так вот, пионербол мне не давался. Даже правила его я до сих пор не уяснила. Но самое прискорбное было то, что я попала именно в ту команду, где капитаном был Сережа Швидченко, и когда я в очередной раз неуклюже послала мяч в «космос», он угрожал наподдать мне как следует. В результате я научилась прогуливать уроки физкультуры уже в первом классе. Просто когда у нас намечался пионербол, я говорила, что у меня нет формы, и сидела весь урок в раздевалке.

Первые звездочки

Нас приняли в октябрята, и на переднике у меня появилась звездочка с юным Ильичом в центре. Класс разбили на три звена по десять человек и устроили между звеньями соревнование по успеваемости. Оценок нам в то время еще не ставили, только печать-звездочку. Какое звено наберет больше звездочек, то и выиграло.

Я читала лучше всех в классе и регулярно приносила звездочки своему второму звену, но вот с чистописанием у меня не ладилось. Буковки в прописи никак не становились красивыми, падали друг на друга, да еще и грязь...

Юлька Безверхова своему первому звену приносила звездочки по физкультуре, потому что бегала даже быстрее мальчишек, но вот с остальными предметами у нее было не очень хорошо. Юлька оказалась в одном звене с Сережей Швидченко (он и там капитан), но приструнить маленькой шупленькой Юльке своего «капитана» удалось очень быстро. Однажды, когда «капитан» пытался надавать ей тумаков, она треснула его ребром ладони по шее – вроде легонько, но Сережа присмирел надолго. Если бы все было так просто с ее родителями! Марина Ивановна при каждой встрече пеняла им насчет Юлькиных кривых прописей, а они не на шутку драли ее ремнем.

Закончив прописи, мы начали писать в тетрадах в косую

линейку. Я в них уже не особо искала звездочки, но в первый же день перехода на тетради нашему звену на стенде соревнования Марина Ивановна поставила сразу две. Чьи? Неизвестно. Только придя домой, я с восторгом обнаружила у себя одну звездочку по математике и вторую по русскому языку. Маме было очень приятно.

Труд сделал из обезьяны человека

Вот что у меня действительно не получалось, так это работать на уроках труда. У меня не получалось сделать красивую открытку маме, аккуратно вырезать и приклеить аппликацию, пришить пуговицу или сделать заплатку. У меня даже не получалось уследить за своими инструментами. Если я делала аппликацию, то пузырек с клеем непременно разливался, потому что не был вовремя закрыт, а ножницы падали под стол. Нитка с иглой не желали делать аккуратные стежки, а потом и вовсе куда-то исчезали. На уроках труда я узнала, что я ребенок несобранный, неаккуратный и к тому же неразвитый и ленивый. Неразвитость моя проявлялась в том, что я не могла сделать нормальный, ровный разрез ножницами. «У тебя не развита мелкая моторика рук. Оттого и почерк такой плохой. Наверное, твоим родителям нужно было подумать о подготовительной группе детского сада», – говорила Марина Ивановна. Леня моя заключалась в том, что я всегда делала нитку в иглке слишком длинной и вдобавок не отрезала ее ножницами, а перекусывала. «Такая нитка бывает только у ленивых хозяек», – пеняла мне Марина Ивановна и показывала, что нитка должна быть длиной с предплечье.

Работы многих девочек из моего класса возили на выставки в РОНО. РОНО – непонятное слово; только позже я узна-

ла, что оно означает «районный отдел народного образования». Мои работы я не показывала даже маме.

К сожалению, труд нельзя прогулять как физкультуру. У Марины Ивановны не забалуешь.

Снова противогаз

В нашем микрорайоне было два опасных объекта. На одном из них хранились запасы хлора, а на другом – запасы аммиака. В связи с этим у нас проводились занятия по гражданской обороне.

Хлор и аммиак – это СДЯВ. Это смешное слово обозначает сильно действующие ядовитые вещества. На урок труда мы принесли вату, марлю, ножницы и сделали ватно-марлевые повязки. Моя получилась кривой и едва закрывала нос. Потом мы разбились на пары и организованно «эвакуировались» вверх и вниз по лестнице.

На следующей неделе дошло дело и до противогоззов. Мы протирали противогаз ваткой, смоченной в растворе марганцовки – так надо, чтобы не подхватить заразу. От противогоза противно пахло резиной. Фильтр на конце «носа» тяжелый и, когда я надевала противогаз, он тянул голову вниз. Не понятно, от чего спасает противогаз, потому что дышать в нем совершенно невозможно. Я выдержала в противогозе ровно 10 минут, потом сняла его. «Это ничего, – утешил инструктор, – этого бывает достаточно, чтобы спастись».

Теперь я совершенно успокоилась насчет американцев. Если начнется газовая атака, я знаю, где взять противогозы на всю семью.

Хранилище памяти. Сын возвращается из школы в пер-

вом классе. «Мам, а у нас есть достаточно подушек, чтобы заткнуть все окна, когда пойдет хлор или аммиак?» «Не беспокойся, сынок, мы возьмем в школе противогазы и спасемся»

НОВЫЙ ГОД

В тот Новый год мама сшила мне красивый новогодний костюм. Собственно костюм был очень простой: балахон с рукавами красного цвета, но мне очень нравился. Мы вдвоем с мамой пришивали к балахону гирлянды – это тебе не уроки труда, тут одно сплошное удовольствие! Я даже подшила балахон сама, вручную, меленьким стежком через край, которому меня научила мама. Но самое красивое было впереди. Мы склеили из золотистого картона корону, украсили ее гирляндами по краю, и под конец мама, уже без моего участия, разбила цветную елочную игрушку в мелкие осколки и наклеила этот блестящий стеклянный порошок на корону так, что она сверкала и переливалась. Я с нетерпением ждала Нового года.

На новогодний праздник мы собрались в нашем классе. Было очень много разных костюмов, встречались даже индейские вожди. Я чувствовала себя прекрасно и втихаря показала Юльке Безверховой, какой отличный стежок пустила по подолу своего платья.

Когда мы вдоволь нахвастались своими костюмами и напились чаю с пирожными, Марина Ивановна взяла празднование под свой контроль: «Теперь каждый выйдет и расскажет нам про своего героя». А что мне рассказывать? Я просто красивая принцесса. Начали, как на грех, с меня. Я вы-

шла на середину класса и жалобно посмотрела на маму. Мама тут же взялась меня выручать и начала громким трагическим шепотом суфлировать: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...». Я хорошо знала эту сказку, но вот как раз в тот момент без посторонней помощи рассказать не смогла. Мама суфлировала мне до слов «Я б для батюшки-царя родила богатыря», после чего я, отмучавшись, побежала на место, но успела услышать, как Марина Ивановна сказала в сторону: «Маме – пять, Юле – два».

Эх, Марина Ивановна!

Зимние каникулы

На зимние каникулы я снова отправилась к бабке Люсе в Горелово. Это первый раз, когда я была у нее зимой. Бабка Люся топила круглую дровяную печку, и я приобщалась к этому таинству, подкидывая березовую бересту для разжигания. «Береза – самые лучшие дрова, а у нас осина. Осина не горит без керосина. А трещит – это елка», – задумчиво говорила бабка Люся. Она еще и электричество экономила, поэтому мы разговаривали при свете огня из печки и лампы. Я любила эти долгие темные вечера, потому что бабка Люся не была занята на огороде и любила рассказывать свою жизнь.

Хранилище памяти бабки Люси. «У нас была большая семья: одиннадцать человек детей и только две девочки, я и моя сестра Рая. Отчим мой служил батюшкой при Базаровском приходе, звали его отец Василий. Вот, посмотри на фотографии: тут я и моя сестра».

На старой потертой и пожелтевшей дореволюционной фотографии – две девочки в кружевных платьях. Младшая, лет двух, сидит на большом деревянном стуле, а старшая, лет шести, стоит рядом и держится за спинку стула. «Я еще училась в церковно-приходской школе, когда отца Василия забрали и он пропал без вести. Закончила только пять классов. Жить нам стало без кормильца совсем неважно, вот и стала

матушка нас в люди пристраивать. Меня в одиннадцать лет в Петроград послали на заработки. Хотелось мне при маме остаться, да при хозяйстве осталась одна Рая. Так мама решила. Устроилась я в Петрограде посудомойкой, жила у хозяина под лестницей. На заработок не зарилась, почти все маме отправляла. Хозяин злой был, побивал меня частенько, а то я думала, что и вовсе удавит за разбитую тарелку. Только попались мне добрые люди – тетя Груша и тетя Дуня, приютили сироту. Вот они на фотографии, они сестры».

На старой довоенной фотографии стоят рядышком две милovidные женщины, одетые по моде довоенного времени. «Нашла я у них и кров, и хлеб, и мужа они мне потом сосватали. Да что я тебе глупости рассказываю, спать пора!»

А вот со сном была целая проблема. Летом я спала на веранде, там всегда было светло – в Ленинграде же белые ночи. А зимой меня укладывали в темную маленькую комнату, в которой стояла высокая старомодная железная кровать с металлической сеткой под матрасом, а напротив нее – такой же древний шкаф с большим зеркалом на дверце. Так вот, меня почему-то все время интересовала некая мифическая деятельность, которую в моем воображении под кроватью производили крысы, и я всю ночь, вместо того, чтобы спать, пялилась в зеркало, пытаюсь заметить следы их наступления на меня. В общем, я мучительно засыпала только под утро. Эта проблема преследовала меня на зимних каникулах несколько лет, до тех пор, пока на нашем Речном

переулке не поставили электрические фонари, один из которых оказался прямо напротив окна маленькой комнаты. Свет этого фонаря успокаивал и убаюкивал.

Пианино от слова «пьяный», а хор от слова «хорек»

Для того чтобы ребенок был весь из себя «организованный», в советское время предлагалось занять его и так уже исчерпанный школой и домашними заданиями досуг развивающими кружками и секциями. Так как со спортом уже наметились большие проблемы, а, исходя из моей комплекции, балетом мне заниматься определенно было не под силу, меня решили отдать в музыкальную школу.

Подоплека для этого была следующая: моя мама в свое время окончила музыкальную школу по классу аккордеона и, вдобавок к этому, замечательно пела. Мне очень нравились песни, которые она пела, в особенности песня из кинофильма «Гусарская баллада» – «Спи, моя Светлана». Заманчиво было научиться петь и играть, как мама, поэтому я поддалась уговорам родителей посещать еще одну школу, в которой ничего не зависело от моей комплекции.

Однако выяснилось, что набор в класс аккордеона к тому времени уже закончился и набирались ученики только в класс фортепиано. Еще позже выяснилось, что преподавание велось сразу по нескольким дисциплинам: общий курс фортепиано, история музыки, сольфеджио и хор. Всем этим нужно было заниматься каждый день после уроков, и учени-

це первого класса было просто не потянуть такую нагрузку. Но тогда мы об этом не думали, и вскоре в нашей комнате в коммунальной квартире появилось громоздкое черное полированное пианино, взятое напрокат.

Преподавательницу общего курса фортепиано звали Екатерина Владимировна Кочерян. К тому времени я уже знала, что в состав Советского Союза входят пятнадцать социалистических республик и если фамилия человека заканчивается на -ян, то этот человек приехал из Армении. То есть моя преподавательница в моем представлении была армянкой. Уже на втором занятии выяснилось, что заиграть на фортепиано так же хорошо, как мама играет на аккордеоне, мне придется не скоро. Сначала пришлось играть скучные гаммы. Где-то на десятом занятии я выучила «Во поле березка стояла».

История музыки и сольфеджио – дисциплины, на которых всегда хотелось спать. И там, и там мы писали в тетрадях, что порядком надоедало мне еще в школе. На истории музыки я узнала, что один из корней в слове фортепиано – piano. Что такое корень? Корни мы в первом классе еще не проходили. Этот корень очень напоминал слово «пьяный», и я внутренне улыбалась этому.

Вообще у меня в то время появилась какая-то внутренняя улыбка. Я как будто улыбалась, а как будто и нет. Потому что надо было соблюдать дисциплину и этикет. Громко смеяться – это нарушение дисциплины и этикета, за это запросто мог-

ли одернуть. А так можно просто смеяться про себя – никто и не заметит.

На первых занятиях хора я внутренне насмеялась от души. Для начала преподаватель сообщил нам, что мы теперь «хористы». «Хористы» – новое для меня слово, и оно прочно ассоциировалось с моим игрушечным резиновым хорьком, которого я когда-то прятала в больнице за батареей. Потом стало еще смешнее и чуднее, так как нас стали учить правильно открывать рот. «А-а-а-а-а», – показывал преподаватель, широко открывая и растягивая рот, при этом он и правда становился похожим на моего резинового хорька, которому я в детстве растягивала мордочку во все стороны. «О-о-о-о-о-о», – рот преподавателя сворачивался в трубочку. Я была самая младшая в группе и, внутренне смеясь, наблюдала, как старшие мои товарищи, относясь к делу совершенно серьезно, старательно корчили гримасы. Я тоже старалась изо всех сил: корчила страшные рожи, не произнося при этом ни звука. В общей какофонии, издаваемой нашим «хором», моего саботажа, казалось, никто не замечал.

Хранилище памяти бабушки Нины. «Мне сказали, что ты очень тихо поешь. Нужно петь громче, чтобы тебя все услышали. Не бойся, у нас у всех хороший голос. Это наследственное».

На следующем занятии хора, как только мы приступили к распевке, я старательно свернула губы трубочкой и заорала во всю глотку: «О-о-о-о-о!!!»

Мои занятия музыкой закончились несколько неожиданно и обескураживающе. Просто моим родителям сказали, что я плохо занимаюсь в группе, никакого прогресса не показываю и, в целом, я – бесперспективный в музыкальном отношении ребенок. Пианино было сдано обратно в бюро проката, а мне на память осталось умение играть «Во поле береза стояла».

Мясорыбный суп

Как я уже говорила, бабка Нина в силу своей работы ревизором на поездах дальнего следования имела знакомых проводников по всему Союзу. Это способствовало тому, что на нашем столе появлялись дефицитные продукты и вещи из самых разных уголков страны. Наша соседка тетя Аня Асолоткина за глаза называла бабку Нину спекулянткой.

Так, например, у бабки Нины были хорошо налажены связи с Прибалтикой. На день рождения мне всегда привозили прибалтийскую «Фанту» или «Пепси» в маленьких стеклянных бутылочках. Некоторые мои сверстники в те времена даже слова «Фанта» не знали, а я знала, что это газированный напиток с апельсиновым вкусом. Уже на второй год моего обучения я выросла из коричневого форменного платья, которое мне купили к первому классу. На замену бабка Нина раздобыла мне форму из Прибалтики синего цвета (в Прибалтике школьные платья для девочек были синие), и я щеголяла вроде бы в форме, а вроде бы и нет, но никто не мог ко мне придраться. В то же время в Прибалтике начали делать пастеризованное молоко в маленьких пакетиках. Я его очень любила – у него был особенный вкус.

Также хорошо был налажен канал доставки продуктов из Крыма. Проводники прямо с поезда ведрами продавали абрикосы, клубнику и черешню. Мы с мамой и бабушкой Ниной

любили делать абрикосовое варенье с давлеными косточками – если расколоть абрикосовую косточку, то внутри находится мягкое зернышко, которое нужно раздавить на мелкие кусочки и высыпать в варенье.

В грибной и ягодный сезон бабка Нина всегда напрашивалась на ревизию в поезда, идущие в Карелию. Там, под Петрозаводском и Кандалакшей, как она рассказывала, можно было выйти и за пятнадцать минут насобирать ведро грибов, причем отборных белых. Она приезжала очень довольная, но все время жаловалась кому-то по телефону: «Я работаю из ночи в ночь, из ночи в ночь».

Помню, однажды кто-то привез бабке Нине из Карелии форель (Карельский перешеек еще славится своими рыбными запасами).

Хранилище памяти бабки Нины. «Я в тот день решила сварить щи. Поставила мясо в воде на газ, походила по квартире, а потом глядь – в холодильнике форель лежит. Ну, думаю, уха из форели – поистине царское блюдо, сварю-ка я уху. А про мясо-то и забыла! Почистила рыбу, все чин чинном, положила в кастрюлю и давай заправлять...»

Первой этот суп попробовала мама, и ей показалось, что у ухи странноватый вкус. Бабки Нинина ошибка, конечно, была обнаружена, но она делала вид, что все в порядке – не выбрасывать же дорогой продукт! После того, как все раскрылось, я сразу наотрез отказалась есть уху. Я и так-то не любила суп, а тут еще представилась такая возможность от-

казаться по не зависящим от меня причинам.

Так было сказано новое слово в кулинарии.

Мечта стать Штирлицем

Я внимательно, серию за серией, смотрела «Семнадцать мгновений весны». Не помню, какой у нас тогда был телевизор, но точно черно-белый, и фильм был черно-белый. Мне очень нравился Тихонов в роли Штирлица. Собственно, я не знала, кто такой Тихонов, мне нравился сам Штирлиц. Он был очень умный, хитрый и обманывал врагов-гестаповцев. И, что интересно, он был самым главным и у наших, и у фашистов. Я неожиданно решила, что когда вырасту, тоже стану Штирлицем. Не разведчиком, а именно Штирлицем. Интересно, а девчонок засылают к врагам? Конечно, засылают, ведь заслали же радистку Кэт. Но радистка Кэт совсем не интересная: какая-то странная, и рожать ей не вовремя приспичило. Не могла подождать, пока война закончится. Из-за нее столько неприятностей у Штирлица!

Очень скоро после этого наша учительница Марина Ивановна озадачилась вопросом: кем детки хотят стать, когда вырастут? Мы по очереди вставали из-за парт и рассказывали, кем хотим работать, когда станем взрослыми. Почему-то все повально хотели стать космонавтами. Меня удивляло, что моя мама так сильно хочет стать железнодорожником, что учится в институте по ночам уже который год, а среди моих одноклассников желающих стать железнодорожниками не нашлось вообще.

Дошла очередь и до меня. И я, честно глядя в глаза Марине Ивановне, сообщила: «Я хочу стать учительницей в младших классах, как вы, Марина Ивановна».

Марина Ивановна была довольна.

Наша опора и надежда – КомСоМол

Во всякой порядочной советской школе из учеников была сформирована дружина. В состав дружины входили отряды-классы, а внутри отрядов, как я и писала ранее, были звенья по десять человек. Органом, управляющим дружиной, был совет дружины. В нашей школе совет дружины возглавляла самая главная комсомолка – Катя Кашенцева. Какие вопросы решал совет дружины, для меня до сих пор остается тайной, потому что к тому времени, как я собралась стать комсомолкой, вся советская система вместе с идеологией благополучно развалилась.

Во всякой порядочной советской школе также были введены дежурства старшеклассников на проходной во время утреннего прибытия учеников на уроки и переменах. Ученики старших классов по очереди приходили в школу раньше всех, чтобы повязать на рукав красную повязку с надписью «дежурный» и встать на входе в учебную часть. Основными обязанностями дежурных были проверки наличия сменной обуви у учеников младших классов и регулирование перемещения учеников на улицу и обратно в школу во время перемен с целью предотвращения прогулов. Но были и другие обязанности, исполнение которых шло гораздо бодрее и ве-

селее.

Ученикам младших классов заботливые родители выдавали деньги для того, чтобы они могли купить что-то вкусненькое в буфете. Мне выдавали каждый день по десять копеек, из которых пять копеек уходило на пирожок и пять копеек – на компот. Однако уже в первом классе я заметила, что не все ученики младших классов доносили денежки до буфета. На входе в учебную часть дежурные устраивали поборы с малышни. За отсутствие сменной обуви или за разрешение лишний раз выскочить на улицу нужно было вносить плату в карман дежурных.

К счастью, у меня все было в порядке со сменной обувью, а выйти из учебной части мне понадобилось всего один раз. В тот день ко мне приехала бабка Люся из Горелово и привезла пирожки для всех учеников моего класса. Она сидела в гардеробе школы и поджидала, когда я выйду из учебной части. Разумеется, на выходе стояли два недоросля, ранее замеченные мною в поборах. Но денег у меня с собой не было. Напрасно я их уговаривала выпустить меня в гардероб: дежурные были непреклонны. Пришлось сбегать в класс и занять у Юльки Безверховой пять копеек для того, чтобы выйти. Добрая бабка Люся со своими пирожками провожала меня обратно до учебной части, и недорослям-дежурным досталось еще по два пирожка сверх уплаченных мною пяти копеек. Хорошо, что хоть за вход платить не пришлось.

Мое предательство

Юлька Безверхова жила в общежитии рядом с моим домом. Ее мама работала на ткацкой фабрике имени Анисимова, а отец был дальнобойщиком. Он был сурового нрава и побивал Юльку за мелкие провинности. Один раз я была у нее в общежитии. Помню большие коридоры, еще больше, чем у нас коммунальной квартире, вдоль которых было множество дверей, ведущих в комнаты, большую обшарпанную кухню, где за каждой газовой плитой были закреплены жильцы, имеющие право пользоваться конкретной плитой. На веревках в коридоре и кухне висело выстиранное белье. Туалет был вообще только один на весь этаж, причем комната Юлькиной семьи находилась как раз у туалета, что способствовало распространению туалетных запахов прямо в жилое помещение. Ванны или душа, как и у нас, не было вообще. Баба Нина говорила, что Юлькино общежитие – рассадник алкоголизма, и запрещала мне туда ходить, поэтому я была у Юльки в гостях только один раз, а она у меня – часто.

Однажды мы вместе с ней ходили в гости к Марине Боровских, девочке из нашего класса, которая жила в отдельной четырехкомнатной квартире. В этой квартире мы чувствовали себя, как гости из далекой глубинки, пришедшие в Эрмитаж или в Русский музей. Для нас было открытием, что некоторые люди живут в отдельных комнатах и имеют

собственный туалет и ванну для своей семьи. Я, как водится, в очередной раз проявила нездоровый интерес к туалетной комнате. Мне впервые удалось увидеть фаянсовый бачок с боковым рычажком для слива на уровне моего пояса. До этого я видела только пластмассовые бачки с веревочкой. Юльке тоже было все в новинку, но она не подавала вида.

Вообще Юлька Безверхова была очень самостоятельным маленьким человеком. Например, когда я пришла к ней в гости, она самостоятельно налила воду в пузатый металлический чайник со свистком и, опять же, самостоятельно поставила его греться на газовую плиту. Мне в этом возрасте еще не разрешали иметь дело с газом. Затем Юлька порылась в деревянном ящике за окном и без разрешения достала банку варенья. Вскоре мы уже пили чай, налив кипяток из этого самого пузатого чайника, и ели варенье, которое Юлька умело намазывала на куски булки, ею же самостоятельно и очень ровно отрезанные. Тогда же я узнала, что Юлькина мама уходит на работу очень рано, а отец часто бывает в рейсах, поэтому Юлька сама себе заводит будильник, сама рано встает, завтракает и идет в школу. Это ее и подвело.

Однажды Юлька проспала, на завтрак выпила чаю и съела кусочек булки со сгущенкой, не заметив, что ее длинные черные волосы окунулись в эту самую злосчастную сгущенку, и побежала в школу. На первый урок она опоздала, вбежала в класс запыхавшаяся, непричесанная, с распущенными волосами. Марина Ивановна, раздраженно постукивая указ-

кой об пол, посчитала нужным долго и нудно выговаривать ей за опоздание. Вдруг она прервалась на полуслове, ее глаза округлились, и она закричала дурным голосом:

– Немедленно в медицинский кабинет!

Юлька Безверхова оторопела от такого поворота событий, но Марина Ивановна уже подталкивала ее к выходу. После их ухода в классе было высказано много версий по поводу предполагаемой Юлькиной болезни. Скоро все прояснилось. За дверью слышались визгливые голоса Марины Ивановны и школьной медицинской сестры, которая в свое время порадовала меня новым словом «ожирение»:

– Вши! Вы видели, у нее вся голова в гнидах! Прямо гроздьями висят!

– Что тут видеть? Вы знаете, в каких условиях живет их семья. Они неблагополучные. Наверное, никогда не моются.

– Она заразит мне весь класс!

Тут я поняла, что у меня появилось еще два новых незнакомых слова – «гнида» и «вши». Вернее, слово «гнида» я уже слышала. Его использовали как ругательство во время склок на кухне нашей коммунальной квартиры. Юлька Безверхова – гнида? С какой стати Марина Ивановна так ругается? Я зареклась опаздывать на уроки.

Дальше Марина Ивановна перешла к решительным действиям и отсадила нас с Юлькой Безверховой на последнюю парту. Но самый ад начался на перемене. «Они вшивые!» – выступал, как Ленин на броневике, вставший на парту Се-

режа Швидченко. – «Надо объявить им бойкот!» Дети обходили нас стороной и тихо, а то и громко перешептывались, повторяя слово «вши». На перемене мы с Юлькой стояли в школьном коридоре у стены в полном вакууме. Я терпела это ровно две перемены, а потом решила и, не говоря ни слова, отошла от Юльки. После следующего урока пришла Юлькина мама и забрала ее домой.

История, конечно, полностью Юльку оправдала. Стоило ей помыть голову, чертова сгущенка смылась с волос и «гниды гроздьями» пропали. Но ее родителям пришлось отвести ее в кожно-венерологический диспансер, чтобы взять справку об отсутствии вшей, что заняло два дня. Оба эти дня я ходила в школу, и за мной прочно закрепилась кличка «Вшивая». Но и на этом история для меня не закончилась. Марина Ивановна заметила мое мелкое предательство и хотела собрать совет отряда, чтобы обсудить мое поведение. К счастью, до этого дело не дошло.

Юлька повела себя очень благородно. Возвратившись в школу со справкой, она подошла и заговорила со мной, как ни в чем не бывало. Но доверие было разрушено, и мало-помалу наша дружба сошла на нет.

5 сентября 2010 года

Юлька Безверхова умерла молодой. Несмотря на ежегодные угрозы педагогического состава оставить ее на второй год, она благополучно доучилась до девятого класса и, закончив его, сразу пошла работать в какую-то небольшую фирму помощником генерального директора. Она отрезала свои длинные волосы и сделала спортивную стрижку. Вообще у нее была очень спортивная фигура и шикарный пышный бюст. Так как мы жили рядом, то я часто встречала ее на улице. Она шла, в основном, торопливо, прижимая к груди папки с бумагами.

Мне удалось поговорить с ней перед самой смертью. Она рассорилась с родителями и в течение месяца снимала комнату в нашей коммунальной квартире. Я уже в ту пору была замужем и жила в другом месте, но в нашу коммуналку захаживала по делам и даже оставалась ночевать. Как-то я пришла и увидела Юльку, которая в совершенно ковбойском виде – в драных джинсах и клетчатой рубашке навыпуск – хозяйничала на нашей общественной кухне. Былое доверие вернулось к нам на один вечер, а может, просто Юльке было одиноко.

Хранилище памяти. «Я встречалась со своим начальником, только он был женат. Ты меня осуждаешь? Нет? Ну, и хорошо. Хотя мне вообще-то наплевать. Пусть меня осуж-

дают. От меня отвернулись даже родители. Они живут по правилам, всегда так жили. И потом, им важно, что люди скажут. Отец выгнал меня из дому, ты же знаешь, у него крутой характер. Сказал: «Нечего цацкаться с жено-тиком». А я в это время уже была беременна, носила мальчика под сердцем. Мама пыталась заступиться, но кто ее послушает? Отец моего ребенка его рождения не захотел. Я уже не могла работать, должна была идти в декрет. На что жить – не известно. Пошла опять к родителям, но отец был пьян, избил меня очень сильно и выгнал снова. После этого ребенок перестал шевелиться. Я к врачу, и у меня диагностировали замершую беременность. Доставали моего ребеночка по частям. Сначала расчленили, потом доставали. Хорошо еще, что я была под наркозом... После этого я смогла вернуться домой, уже без ребенка. Только нет мне покоя: снотворное выписали, а я не сплю. Мама уже шепчет потихоньку от отца: «Лучше бы ты родила этого ребенка». Вот решила уйти, теперь опять работаю, только в другом месте, и у меня есть деньги...»

Через месяц бомбой разорвалась новость – Юлька Безверхова умерла от передозировки наркотиков. Как это случилось, я не знаю, Юлька не была наркоманкой.

Мне девять лет

Девять лет – это не шесть. Я перешла в среднюю школу. Только нас почему-то перевели из третьего класса сразу в пятый. Формально мы учились одиннадцать классов, а по факту – только десять. Я подружилась с Лидой Смирновой, отличницей, у которой была собака – большой рыжий колли по кличке Лорд.

К этому времени я уже знала, откуда берутся дети и как их рожают. Меня немного смущало, что люди занимаются такими позорными вещами, но, с другой стороны, раз я появилась на свет, значит, мама тоже этим занималась, а мама не может заниматься чем-то плохим. Зато теперь мне стало понятно, что имеют в виду мальчишки, когда делают кольцо из большого и указательного пальца одной руки и просовывают в него указательный палец другой руки.

Мама моя успешно окончила институт, стала работать инженером на Октябрьской железной дороге, и я могла каждый вечер видеть ее дома. Кроме этой хорошей новости, была и еще немного грустная: когда мама защищала диплом, у нее начался псориаз. Псориаз – это такая кожная болезнь, которая возникает на нервной почве, и теперь красивые мамини руки и ноги покрыты противной шелушащейся коркой. Маму лечили, но безуспешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.